

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-738-751

EDN: SAZBVV

Научная статья / Research article

Реализация и легитимация результатов дистанционного электронного голосования в регионах России: особенности городских и сельских практик

А.Г. Арутюнов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

✉ anton.arutynov.98@mail.ru

Аннотация. Дистанционное электронное голосование (ДЭГ) постепенно укореняется в политической практике Российской Федерации. Актуальность данного исследования заключается в том, что эта технология юридически и хронологически является новой, она закономерно вызывает как интерес, так и необходимость объяснения ее внедрения и реализации, а также разрешения вопросов, связанных с технологической базой ДЭГ, и как следствие, вопросов о возможностях потенциального нелегального использования данной технологии. Цель исследования состоит в выявлении и приведении элементов анализа практик реализации и легитимации ДЭГ в городе и деревне в разных регионах РФ. Основными методами исследования стали качественные социологические методы, общелогические методы, в целом использовался диалектико-материалистический подход, а также инструментарий сравнительной политологии. Для выявления особенностей легитимации ДЭГ была проведена серия экспертных интервью в 10 регионах России. В результате проведения исследования выяснилось, что ЦИК РФ, региональные избирательные комиссии субъектов РФ, а также региональные и муниципальные органы власти, где проводится ДЭГ, на данном этапе ищут специфические технологии легитимизации электронного голосования. Эти практики будут различаться не только в рамках сравнения нескольких регионов, но и, как правило, в рамках одного субъекта. Одна из ярко выраженных политтехнологических и имиджевых разниц будет заметна при внедрении ДЭГ в высоко урбанизированных массивах (условном городе) и в руральных районах (сфере деревни). Для городских районов характерно использование широкого спектра политтехнологий по привлечению избирателя к электронному голосованию и его легитимации. Значительно более большие бюджеты вкладываются в АПМ, в том числе в объекты крупной печатной продукции (билборды, реклама на остановках и общественном транспорте). Продвигается идея электронного голосования в социальных сетях, преимущественно в ВКонтакте, Telegram, Одноклассниках и WhatsApp. Для руральных зон характерна работа, направленная на личный контакт с избирателем и использование неформальных

© Арутюнов А.Г., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

связей. В то же время работа в социальных сетях в современных условиях доходит и до жителей сельской местности, хотя чаще всего это не целенаправленная деятельность, а фоновый захват аудитории. В связи с совершенствованием технологической базы и расширением географии ДЭГ исследование вопросов его легитимации и реализации может получить дальнейшее развитие, в том числе в контексте вопросов, обозначенных в данном исследовании.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование, выборы, легитимация, урбанистические политические практики, руральные политические практики, региональные выборы, избирательные кампании, политтехнологии

Для цитирования: Арутюнов А.Г. Реализация и легитимация результатов дистанционного электронного голосования в регионах России: особенности городских и сельских практик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 738–751. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-738-751>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках научного проекта «Легитимация дистанционного электронного голосования (ДЭГ) и его результатов в регионах современной России: основные практики и технологии».

Implementation and Legitimization of the Results of Remote Electronic Voting in the Regions of Russia: Features of Urban and Rural Practices

Anton G. Arutynov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ anton.arutynov.98@mail.ru

Abstract. Remote electronic voting (REV) as technology is gradually taking root in the political practice in Russia. As the technology is legally and chronologically new, it is both interesting and necessary to explain its implementation, as well as to identify the technological basis of the REV and, therefore, questions about the potential illegal use of this technology. This study aims at identifying the elements of the analysis of the implementation and legitimation of REV in cities and villages across Russia. The research is based on qualitative sociological and general logical methods: in general, the author uses the dialectical-materialistic approach, as well as the tools of comparative politics. A series of expert interviews were conducted in 10 regions of Russia. The results of the study showed that the Central Election Commission of the Russian Federation, the regional election commissions of the subjects of the Russian Federation, as well as regional and municipal authorities where the REV is being held, are at this stage looking for specific technologies to legitimize electronic voting. These practices will differ not only when comparing different regions, but also, most often, within one subject. One of the most significant differences will be noticeable with the introduction of REV in highly urbanized massifs and rural areas. Urban areas are characterized by the wide usage of political technologies to attract voters to electronic voting and legitimize it. Significantly larger budgets are invested in propaganda materials, including large, printed products (billboards, advertising at bus stops, and public transport). The idea of electronic voting is being promoted in social networks, mainly through VK, Telegram, Odnoklassniki, and WhatsApp. The rural areas, meanwhile, are characterized by activities aimed at personal contact with the voters and the use of informal connections. At the same time, today messages in social networks also reach rural residents, although most often it is not a purposeful

activity, but a background capture of the audience. Concerning the improvement of the technological basis and the expansion of the geography of the REV, we can further elaborate on its legitimization and implementation, including in the context of the issues identified in this study.

Keywords: Remote electronic voting, elections, legitimation, urban political practices, rural political practices, regional elections, election campaigns, political technologies

For citation: Arutynov, A.G. (2023). Implementation and legitimization of the results of remote electronic voting in the regions of Russia: Features of urban and rural practices. *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), 738–751. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-738-751>

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University within the framework of the scientific project “Legitimation of remote electronic voting (REV) and its results in the regions of modern Russia: basic practices and technologies”.

Введение

Дистанционное электронное голосование применяется все в большем количестве регионов России, к концу 2023 г. число регионов, где было реализовано ДЭГ на разных уровнях, будет приближаться к 30, причем с каждым годом в процесс вовлекается все больше руральных зон (в отличие от преимущественно городского использования ДЭГ первых лет его применения), что становится неординарным вызовом для политиков и политтехнологов как в вопросе легитимации результатов ДЭГ, так и в популяризации его применения. Отсюда возникает актуальность исследования реализации ДЭГ и в городе, и в деревне, как явления принципиально нового, но обладающего большим влиянием на политическую жизнь России.

Среди исследователей проблемы использования ДЭГ можно выделить Е.А. Набатникову [2022], А.В. Рыбина [2022], И.А. Быкова [Быков 2023], С.В. Петрову и А.В. Сидорову [Петрова, Сидорова 2021]. Вопрос легитимации ДЭГ в России рассматривался, в частности, Н.А. Барановым [Баранов 2022], который уделяет преимущественное внимание технической (процедурной и электронной), а не политтехнологической стороне вопроса. Международный опыт также широко рассматривается в современных исследованиях, к примеру, в работах Ю.В. Анисимовой, Е.В. Еременко, И.И. Мушкета [Анисимова, Еременко, Мушкет 2022], И.Б. Борисова [Борисов, Игнатов 2023], А.Ю. Чихачева [Чихачев 2022]. Здесь же отметим, что тема деревенских и руральных исследований сейчас является весьма актуальной [Виноградская 2019], прежде же роль деревенского населения в обществоведческих и других исследованиях фактически игнорировалась [Акимова 2021]. Отчасти это связано с объективными процессами возвращения относительно небольшой части населения в деревню [Зайцева 2022].

Цифровизация регионального избирательного процесса в современной России представляет собой уникальный процесс, поскольку одновременно является весьма комплексным из-за сложной системы административно-территориального деления России, а вместе с тем потому, что данная цель ставит множество

трудно решаемых практических технологических задач. Одним из существенных направлений является реализация и внедрение системы дистанционного электронного голосования на выборах в рамках процедур выборов федерального, регионального и даже местного уровней, взаимосвязь федерального и регионального уровней отмечается в исследованиях [Любарев 2021]. В 2023 г. в рамках избирательных кампаний Единого дня голосования (ЕДГ) 2023 резко увеличивается количество регионов, проводящих ДЭГ, в марте 2023 г. представители ЦИК РФ объявили о реализации ДЭГ в 25 регионах России в рамках единой технической платформы, а также на базе собственной электронно-цифровой платформы города федерального значения Москва. Единую платформу и московскую платформу ДЭГ иногда сравнивают со старыми институтами для голосования [Наренкова 2021]. Ранее ДЭГ был реализован только лишь в 13 регионах с учетом всех кампаний, прошедших в разные годы, т.е. можно констатировать почти двукратное увеличение регионов данного типа. При этом еще в 2022 г. представители ЦИК РФ также заявляли о готовности всех регионов Российской Федерации (на тот момент 85) к готовности реализации ДЭГ. Сейчас формально решение о реализации ДЭГ на любом уровне выборов принимается ЦИК РФ на основании добровольной системы подачи заявок от региональных избирательных комиссий субъектов РФ.

Город и деревня всегда находятся не столько в противостоянии политических практик, сколько в их дихотомии. При этом политические практики города воспринимаются как нечто большее как по количественному охвату и вовлечению аудитории электората, так и по качеству реализуемых технологий. В рамках рабочей гипотезы можно выдвинуть предположение, что это утверждение будет справедливо и для политических технологий сопровождения реализации ДЭГ, а также для легитимации его результатов.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить, обозначить и привести элементы сравнительного анализа практик реализации и легитимации ДЭГ в городе и деревне в региональной перспективе в современной России. Цель обусловлена как практической значимостью вопроса для политтехнологов, так и теоретической значимостью, поскольку ни политология (в частности институциональный подход, сравнительная политология и другие направления), ни псефология, ни дисциплины, находящиеся на стыке, в исследовательский интерес которых может входить исследование ДЭГ, пока не сформировали единого мнения по этому конкретному вопросу, а также по месту ДЭГ в политической системе страны в целом.

Материалы и методы

В контексте данного исследования высокоурбанизированный массив в региональной политической практике может включать столицу субъекта, районы столицы субъекта (в том числе анклав), центры городских округов (районов) региона, урбанистические пояса или города-спутники вокруг крупных городов, моногорода с промышленными зонами и наукограды. К деревенскому сегменту

можно отнести поселки городского типа, поселки, села, деревни. Дачные товарищества и зоны хаотичной дачной (коттеджной) застройки могут выступать как городская или как руральная зона в зависимости от истории заселения этих территорий и доминирующего типа политической культуры местных жителей, интересным здесь может быть то, что эти тенденции прослеживаются и в некоторых зарубежных практиках проведения ДЭГ [Зиновьев, Туров, Чернецкий 2022].

Основные методы исследования: глубокое экспертное интервью (качественный социологический метод), а также сравнительный анализ политических институтов и практик и общелогические методы, применяемые для систематизации полученной информации. Исследование проводилось с применением диалектико-материалистической методологии. Для анализа ситуации различных практик легитимации и реализации ДЭГ в городе и деревни были выбраны 10 регионов России: Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Республика Чувашия, город федерального значения Москва, Московская, Тверская, Новгородская, Ульяновская, Липецкая и Белгородская области. В каждом регионе было произведено экспертное глубинное интервью, по три эксперта в регионе.

Эксперты отбирались методом «снежного кома», однако отбор производился также на основании ряда критериев. Первый критерий — соответствие профессиональной сферы деятельности эксперта проблематике исследования, а именно политологи или практикующие политики (политтехнологи, политические консультанты, координаторы избирательных штабов в рамках региональных избирательных кампаний, региональные депутаты, эксперты РИКов субъектов РФ, секретари региональных отделений политических партий). Второй критерий — работа с ДЭГ или другими электронными технологиями на региональных выборах или в региональной политике. Город федерального значения Москва присутствует в выборке не только потому, что в столице находится большее количество экспертов в области ДЭГ, но и потому, что здесь находится ряд территорий, которые можно назвать руральными, в первую очередь это территории районов Новой Москвы. Отобранные регионы расположены в ЦФО, ПФО и СЗФО, что является достаточно репрезентативным географически. В исследование также включены регионы с городами-миллионерами; кроме Москвы это будут Казань и Уфа. В тех регионах, где не проводилось ДЭГ на каком-либо уровне выборов, эксперты отвечали на вопросы в контексте реализации смежных электронных электоральных практик (например, онлайн праймериз ВПП «Единая Россия»), а также характеризовали и давали оценки соседним регионам, где ДЭГ было уже реализовано.

Практики реализации и легитимации ДЭГ и их оценка

Эксперты из разных регионов отмечают, что сама реализация ДЭГ в городе или деревни не отличается, что обусловлено нормативной базой, акцент на которой также делается в ряде предшествующих исследований [Щербинин 2021;

Мишуков 2021; Игнатов 2021], единой системой технической реализации и целями ЦИК РФ по созданию единой доступной платформы. Поэтому деревенское население оказывается в выигрышном положении относительно обычной ситуации, когда городское население обладает более широким доступом к информации и имеет специальные условия за счет возможности личного контакта с политическими акторами (или если актор коллективный с его представителем).

При этом существенной разницы между одним регионом и другим не просматривается, кроме некоторых контекстных политико-культурных особенностей, связанных с этничностью и распространением религиозного или просто парохияльного мышления (ценности общины на основе единства, традиций, языкового или исторически-ситуационного фактора). Регионы ЦФО характеризуются высоким уровнем политической атомизации даже в деревенской среде (особым образом здесь выглядит Черноземный район, где ценность общины по-прежнему сохраняется в достаточной степени). Регионы ПФО в этом контексте будут выступать как очаги парохияльной культуры в глубинке, особенно в деревнях с моноэтническим населением, часто сплоченным также по религиозному и языковому основанию. Тем не менее с позиции вопросов реализации ДЭГ все эти факторы не будут играть значимой роли, поскольку здесь ведущую роль будут играть региональные особенности, основанные на модели привлечения электората к очному голосованию в противовес ДЭГ, поскольку ДЭГ здесь может рассматриваться как фактор, осложняющий этнический баланс в представительных органах власти, в том числе в органах местного самоуправления руральных зон. В исследованиях проблематики трансформации выборов местного уровня трендом становится изучение электронных технологий, в том числе за рубежом: в Европе [Арбатская, Сюй 2020] и в Азии [Скосырев 2020]. Необходимо отметить, что, в частности, в рамках европейского поля могут существовать общие электоральные тенденции на уровне региональных выборов [Арутюнов 2022].

ДЭГ в деревне за исключением ряда особых случаев политического активизма не воспринимается негативно и, в отличие от города, не вызывает жесткого неприятия какой-либо частью общественности. В то же время ряд экспертов из регионов, где есть титульные национальности кроме русских или присутствуют компактные места проживания малых коренных народов, отмечают, что ДЭГ может быть негативным фактором, который, по их мнению, способен нарушить хрупкий властно-политический баланс в регионе. При этом сам механизм негативного влияния описывается как потенциальное нарушение соблюдения традиции этнического баланса (равного распределения должностей и полномочий или условно справедливого в глазах элиты или общественности региона). Но в целом при условном гомогенном этническом составе округа, где находится несколько деревенских или сельских зон, ДЭГ не будет технической проблемой и в силу малого политического активизма в руральных зонах будет внедряться быстрее и технологически более легко, чем в городе, часть этих выводов именно по городскому электорату была представлена в предшествующих исследованиях [Петрова 2022]. Деревня традиционно не противится внедрению

новых политических практик в современной России, но медленнее их осознает на уровне гражданина, там проживающего и не интересующегося политикой.

Социально-политические процессы в городе в сравнении с деревней выглядят более динамичными и разнонаправленными. В городе возникают группы, которые со скепсисом относятся к реализации ДЭГ, они не столь велики, сколько сплочены идейно с помощью «*информационных пузырей социальных сетей и мессенджеров*», по меткому выражению эксперта из Москвы, принимавшего участие в нашем опросе. Ситуация выглядит особенно сложной в Москве и Санкт-Петербурге, а также в регионах, где городская среда характеризуется необходимостью достижения сложного властного, этнического и экономического баланса политических сил. Эта ситуация также отражается в других исследованиях [Бочкаев 2021]. При этом нельзя утверждать, что наличие миллионного населения каким-то особым образом влияет на восприятие ДЭГ, единственным существенным исключением будут Москва и Санкт-Петербург, где можно говорить об уникальной свехурбанизированной политической культуре, не наблюдаемой в других агломерациях России. При этом городские политические процессы характеризуются большим вниманием со стороны как старых, так и новых СМИ. Это частично отражено и в более ранних исследованиях [Флаот 2022], что не может ни откладывать отпечаток на внедрение и процессы легитимации ДЭГ. СМИ работают в разных информационных нишах: интернет, телевидение и даже печатные газеты. Наибольшим влиянием на современном этапе в интересующем нас контексте будут пользоваться интернет-СМИ.

Отличительным фактором легитимации или, наоборот, уменьшения доверия к ДЭГ в городе будет партийная работа с электоратом (как своим, так и в рамках политической рекламы и агитации). Можно заметить, что практически единственной всероссийской политической партией, работающей над созданием позитивного образа для ДЭГ, является ВПП «Единая Россия». Многие члены, сторонники и политтехнологи этой партии стали не только убежденными приверженцами дистантных форм голосования, но и во многом первопроходцами, поскольку праймериз «Единой России» почти во всех регионах с начала своей реализации подразумевал и онлайн-формат. В то же время даже оппозиционные парламентские партии (здесь партии, имеющие фракции в Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации с более чем одним мандатом: КПРФ, ЛДПР, «СР-За правду», «Новые люди») либо открыто выступают против ДЭГ, либо пытаются сохранять нейтральную позицию, избегая эту проблематику в публичной риторике. Непарламентские зарегистрированные Министерством юстиции РФ партии, как правило, также либо не затрагивают вопрос реализации ДЭГ, либо выступают с его жесткой критикой.

В деревенской практике можно встретить агитаторов пяти крупнейших политических партий России, которые будут сохранять позиции партии по вопросу, ДЭГ. Это чаще всего осуществляется в узком перечне мероприятий, к примеру, агитэкспедиции и выезды перед региональными выборами (реже муниципальными), а также в рамках встреч с избирателями уже избранных депутатов (в рамках подготовки к уже следующей избирательной кампании). В качестве попыток

системной, хотя все еще недостаточной работы в деревне, экспертами из Тверской и Ульяновской областей назывались только две политические партии, а именно «Единая Россия» и КПРФ, в некоторой степени также ЛДПР. Отметим, что часть политических партий призывала своих сторонников не пользоваться сервисами ДЭГ (особенно это подтверждает городская практика, и особенно в Москве), однако впоследствии они же выдвигали претензии, заключающиеся в том, что за них отдали крайне мало голосов по онлайн-округу, а за их конкурентов (не призывавших к бойкоту ДЭГ) было отдано голосов больше. Если опустить все остальные факторы, то прослеживается довольно четкая тенденция, состоящая в том, что подобный результат был достигнут не столько хорошей и качественной кампанией конкурентов, а непосредственно реализацией бойкота, о котором говорили сами партии и политические силы. Таким образом, в условиях внедрения ДЭГ такая стратегия не может быть выигрышной. В то же время сам факт такой хронологии агитационных мероприятий и политических результатов не способствует легитимации ДЭГ, что, в частности, отмечали эксперты из Москвы.

Важным механизмом легитимации ДЭГ является работа с дачниками и гражданами, меняющими место жительства на календарное лето (и, что самое главное, остающимися на даче в начале сентября, то есть на момент проведения Единого дня голосования), со стороны информаторов из ЦИК РФ или РИКов. Отметим, что изначально они были одной из главных групп, которую предполагалось вовлечь в дистанционные формы голосования, например, к этой группе относятся многие москвичи пенсионного возраста. Но на практике оказалось, что кроме сдержанной онлайн-рекламы (или информирования) об участии в ДЭГ для этих сезонных жителей руральных зон никакой практической и даже информационной работы с потенциальной аудиторией проведено не было. Эксперты из регионов, кроме Москвы, отмечали, что в сельской местности и даже на трассах регионального и федерального значения политической рекламы или информирования о ДЭГ было явно недостаточно, чтобы привлечь внимание. Поэтому можно заключить, что потенциальный электорат в руральной зоне остается без внимания со стороны политтехнологов и избирательных комиссий разного уровня, и если его привлечь, то можно поднять и общий уровень доверия к ДЭГ. При этом данная технология *«не должна развиваться как некая московско-подмосковная история»*, по мнению эксперта из Казани, а может стать общероссийской практикой, поскольку дачная миграция населения свойственна всем крупным агломерациям. Дополнительно, дачная миграция из Москвы затрагивает не только подавляющее большинство регионов ЦФО РФ, но также некоторые регионы СЗФО РФ и ПФО РФ, где также может вестись разъяснительная, рекламная, информационная и агитационная работа. Как отмечают эксперты из регионов ЦФО РФ, единственным затруднительным фактором здесь будет то, что применительно к региональным выборам условные «дачники» не будут иметь права голосовать на выборах органов власти региона нахождения земельного участка. Это объясняется тем, что регистрация «дачников и арендаторов» будет осуществляться по основному месту жительства в другом регионе (особенно остро ситуация здесь будет обстоит в парах Москва и Московская область,

Санкт-Петербург и Ленинградская область). Исключением здесь будет миграция из крупной городской агломерации в пригород или деревни внутри одного региона. В других исследованиях можно отметить собственно миграционный фактор влияния на электорально-политические процессы [Бурда 2022]. Кроме того, также уже исследовался и более широкий фактор социально-экономической разницы регионов [Капелюк 2021].

Эксперт из Владимирской области, а также эксперт из Республики Татарстан отметили один из главных факторов по легитимации ДЭГ, а именно вопрос общего состояния избирательной системы в регионе. Весьма примечательна дословная цитата эксперта из Владимирской области: *«Можно использовать один из принципов по созданию алгоритмов программного обеспечения для производств, а именно если у вас беспорядок на производстве, ни один даже самый лучший алгоритм не исправит ситуацию. Чтоб было что цифровизировать, это что-то должно быть уже качественно к этому готово»*. В большинстве субъектов Российской Федерации избирательная система (всех уровней от РИК до УИК) находится в удовлетворительном состоянии, однако ряд технических элементов требует синхронизации, если ЦИК РФ ставит цель создать единую федеральную платформу высокого уровня. Слаженная и четкая работа технической стороны ДЭГ в РФ станет прочным основанием для его легитимации среди населения. Это также показывает пример работы ДЭГ в 2019 г. на ряде одномандатных округов на выборах в Московскую городскую Думу, когда не отлаженная из-за перегрузок работа (при этом не искажающая результаты голосования) стала поводом для снижения уровня доверия к в принципе исправной системе московской платформы.

Результаты

Исследование показало, что для руральных зон нет единой стратегии реализации как самого ДЭГ, так и технологий его легитимации, в отличие от урбанизированных зон, где работают адресные методики внедрения дистанционных технологий в политическую практику той или иной территории. Деревня выглядит технологически непривлекательной в вопросе реализации современных политических технологий, в том числе цифровых. Вместе с тем город представляется сложным пространством, где происходит не только внедрение ДЭГ, но и борьба различного рода политтехнологий легитимации этого процесса в общественной среде. Подавляющее большинство экспертов отмечает сразу несколько направлений легитимации, которые условно можно разделить на традиционные, цифровые и нестандартные: 1) традиционное направление — печатные агитационно-пропагандистские материалы (АПМ), а также информирование от лица избирательных комиссий различного уровня или агитация от имени политических партий; 2) цифровое направление — онлайн-реклама и агитация, и информирование (сайты и социальные сети); 3) нестандартные технологии — проведение флешмобов и лекториев, разъяснительная работа на политических акциях. Для деревенских практик характерны преимущественно только первые

два направления, причем не в рамках специальных программ, а скорее фоновое, в рамках городских проектов и избирательных кампаний. Нестандартная работа в деревне не проводится, за исключением работы кандидатов по одномандатным округам, расположенных в сельской местности.

Обсуждение результатов

Результаты данного исследования подтверждают общий тренд поэтапной и продуктивной реализации ДЭГ, практическая сторона которого, однако, сопряжена с трудностями не столько технического характера, сколько с проблемой легитимации. Легитимация должна стать основой работы с ДЭГ как технологией. Важен не только формальный рост доверия к процедуре, но и действия с учетом сложного контекста баланса различных социально-политических сил, к примеру, этнических групп в регионе.

В рамках данной проблематики нельзя обойти вниманием две крайние позиции по отношению к ДЭГ, которые откладывают отпечаток и на восприятие его реализации и легитимации в городе и деревне. Первая свойственна политическим деятелям и организациям, ряд из которых считаются иностранными агентами на территории Российской Федерации. Однако в их позиции нельзя отследить четко выраженное мнение по вопросу реализации ДЭГ в деревне. Дискуссия вокруг ДЭГ в целом сконцентрирована вокруг городской проблематики, фактор иных территорий не учитывается, низводится до несущественного или неважного. Отметим, что вышеописанная критика не только относится к российскому сценарию реализации ДЭГ, но и соотносится с зарубежными сценариями [Минтусов 2022]. В то же время существуют и исследования, которые оценивают ДЭГ как в России, так и за рубежом более положительно [Худолей 2022].

Несмотря на общий технологический оптимизм, а также на выявленное в этом исследовании отсутствие существенных ограничений для внедрения ДЭГ в деревенских зонах, ДЭГ, тем не менее, имеет ряд существенных вызовов со стороны социально-политической реальности для внедрения во всех регионах России, что отражено в ряде исследований [Рыбин 2022]. Они должны быть исправлены, тем более что ряд путей для решения этих проблем уже намечен или, по крайней мере, показан прогресс развития технологии [Цветкова, Романова 2022].

Заключение

На современном этапе большой разницы в осуществлении реализации стратегий по реализации ДЭГ в городе и деревне с технологической стороны вопроса фактически нет. Однако технологии политического пиара (как в среде печатных АПМ, так и в среде интернет-рекламы) и способы легитимации результатов существенно разнятся.

Эксперты из разных регионов описывают в целом похожую картину реализации ДЭГ в городе и в деревне. Если попытаться реализовать

упрощенную модель, то это использование онлайн и офлайн-информирования, осуществляемое без учета специфики региона. Легитимация также может достигаться как с помощью очных акций (призывы использовать ДЭГ, адресованные избирателям), так и с помощью онлайн-рекламы технологии. Необходимо отметить угрозы, которые обозначили эксперты из регионов с несколькими основными этносами, постоянно проживающими в регионе, которые ссылались на необходимость дополнительной работы для сохранения хрупкого межэтнического баланса, в том числе отражающегося на электоральных процедурах и особенно на их результатах. Наиболее эффективной технологией легитимации ДЭГ в регионах России можно считать информирование о чистоте и техническом совершенстве самого ДЭГ, а также профилактику на ранних этапах возможных правонарушений и манипуляционных воздействий.

Поступила в редакцию / Received: 11.03.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 19.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.05.2023

Библиографический список

- Акимова О.Е., Волков С.К., Кузлаева И.М.* Концепция «умная деревня» и сельские территории России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2021. № 4. С. 117–135. <https://doi.org/10.38050/01300105202146>
- Анисимова Ю.В., Еременко Е.В., Мушкет И.И.* Опыт проведения избирательных кампаний (выборов и референдумов) в государствах — участниках МПА СНГ в условиях распространения COVID-19 // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 1. С. 165–170.
- Арбатская М.Н., Сюй Л.* Система местного сельского самоуправления в «новой нормальности» Китая // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 4 (18). С. 106–123.
- Арутюнов А.Г., Сквоиков А.К.* Политическое участие женщин на региональных выборах в Европе // PolitBook. 2022. № 2. С. 89–100.
- Баранов Н.А.* От недоверия — к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 433–446. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-433-446>
- Борисов И.Б., Игнатов А.В.* Электронное голосование в Эстонии бьет рекорды. Общее и особенное в международном развитии ДЭГ // Избирательное законодательство и практика. 2023. № 1. С. 14–20. <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2023-1-14-20>
- Бочкаев А.Р.* Особенности и сравнительные характеристики политических кампаний в Москве и Санкт-Петербурге // Власть. 2021. Т. 29. № 3. С. 94–98. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8146>
- Бурда М.А., Хорева Е.Е., Герасимова И.В.* Миграционная политика в современной России: информационно-коммуникационные технологии в управлении миграцией // PolitBook. 2022. № 2. С. 54–66.
- Быков И.А.* Рецензия на монографию В.И. Федорова «Электронное голосование: российский и зарубежный опыт» // Избирательное законодательство и практика. 2023. № 1. С. 37–38. <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2023-1-37-38>

- Виноградская О.Я. От чего горожане едут в деревню: феноменология и практика // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 3. С. 140–155. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-3-140-155>
- Зайцева И. Приехать и остаться // Новое сельское хозяйство. 2022. № 6. С. 14–19.
- Зиновьев А.С., Туров Н.Л., Чернецкий Ф.М. Локализм в политической динамике современной Европы: кейс Литвы // Политическая наука. 2022. № 4. С. 240–261. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.11>
- Игнатов А.В. Правовые аспекты дистанционного электронного голосования // Избирательное законодательство и практика. 2021. № 1. С. 10–15. <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2021-1-10-15>
- Капелюк С.Д., Лищук Е.Н. Влияние социально-экономического неравенства в регионах России на электоральное поведение // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 2 (51). С. 7–16. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-2-51-7-16>
- Любарев А.Е. Корреляционный анализ итогов голосования на российских федеральных и региональных выборах 2011–2018 гг. // Политическая наука. 2021. № 1. С. 205–225. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.09>
- Минтусов И.Е., Гуляев Д.С. Дистанционное электронное голосование в странах англосаксонской системы: США, Австралия, Великобритания. Почему голосование ДЭГ не прижилось? // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 1 (23). С. 122–139.
- Мишуков В.О. Развитие национального законодательства об основах электронного голосования // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12 (163). С. 213–215.
- Набатникова Е.А. ДЭГ (дистанционное электронное голосование) в Российской Федерации // Умная цифровая экономика. 2022. Т. 2, № 1. С. 26–30.
- Наренкова А.А. Сравнительно-правовой анализ института «мобильный избиратель» и института открепительных удостоверений // Державинский форум. 2021. Т. 5, № 20. С. 17–23.
- Петрова С.В., Сидорова А.В. К вопросу о внедрении дистанционного электронного голосования в избирательную систему России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 80–84. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-4-80-84>
- Петрова С.В., Сидорова А.В. Система дистанционного электронного голосования в Российской Федерации и пути совершенствования электронной демократии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 192–196. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-192-196>
- Рыбин А.В. Защита результатов волеизъявления избирателей при дистанционном электронном голосовании // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 3 (25). С. 161–175.
- Рыбин А.В. Преимущества и недостатки дистанционного электронного голосования: перспективы или тупик? // Электоральная политика. 2022. № 1 (7). С. 1.
- Скосярев В.А. Низовая демократия в Китае: подходы к оценке // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2020. № 3. С. 108–116.
- Флаот Н.С. Образ электронного голосования в российских СМИ в период избирательной кампании 2021 г. на примере «Российской газеты» и «Новой газеты» // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. 2022. № 11. С. 190–194.
- Худолей Д.М., Худолей К.М. Электронное голосование в России и за рубежом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 57. С. 476–503. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-57-476-503>
- Цветкова О.В., Романова Ю.А. Цифровая трансформация в России: от рейтинга регионов к дистанционному электронному голосованию // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 2 (24). С. 91–97.
- Чихачев А.Ю. Франция-2022: расколотое общество и трансформация политического поля // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2 (26). С. 59–70. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220225970>

Щербинин Р.А. Правовое регулирование и практика дистанционного голосования на выборах 2021 г. // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 4 (50). С. 59–66.

References

- Akimova, O.E., & Volkov, S.K., & Kulaeva, I.M. (2021). The concept of “smart village” and rural territories of Russia. *Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economics*, (4), 117–135. (In Russian). <https://doi.org/10.38050/01300105202146>
- Anisimova, Y.V., Eremenko, E.V., & Musket, I.I. (2022). The experience of conducting election campaigns (elections and referendums) in the member states of the IPA CIS in the conditions of the spread of COVID-19. *Legal science: history and modernity*, (1), 165–170. (In Russian).
- Arbatskaya, M.N., & Xu, L. (2020). The system of local rural self-government in the “new normality” of China. *Citizen. Elections. Power*, 4(18), 106–123. (In Russian).
- Arutyunov, A.G., & Skovikov, A.K. (2022). Political participation of women in regional elections in Europe. *PolitBook*, (2), 89–100. (In Russian).
- Baranov, N.A. (2022). From Distrust to Legitimization: The Difficult Path of Digital Electoral Technologies, an Evidence from Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 433–446. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-433-446>
- Bochkarev, A.R. (2021). Features and comparative characteristics of political campaigns in Moscow and St. Petersburg. *Vlast' (Power)*, 29(3), 94–98. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8146>
- Borisov, I.B., & Ignatov, A.V. (2023). Electronic voting in Estonia is breaking records. General and special in the international development of the REV. *Electoral legislation and practice*, 1, 14–20. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2023-1-14-20>
- Burda, M.A., Khoreva, E.E., & Gerasimova, I.V. (2022). Migration policy in modern Russia: Information and communication technologies in migration management. *PolitBook*, (2), 54–66. (In Russian).
- Bykov, I.A. (2023). Review of V.I. Fedorov’s monograph “Electronic voting: Russian and foreign experience”. *Electoral legislation and practice*, (1), 37–38. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2023-1-37-38>
- Chikhachev, A.Y. (2022). France-2022: a split society and the transformation of the political field. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*, 2(26), 59–70. (In Russian). <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220225970>
- Flaot, N.S. (2022). The image of electronic voting in the Russian media during the election campaign of 2021 on the example of “Rossiyskaya Gazeta” and “Novaya Gazeta”. *Eurasianism: Theoretical potential and practical applications*, (11), 190–194. (In Russian).
- Ignatov, A.V. (2021). Legal aspects of remote electronic voting. *Electoral legislation and practice*, (1), 10–15. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2021-1-10-15>
- Kapelyuk, S.D., & Lischuk, E.N. (2021). The influence of socio-economic inequality in the regions of Russia on electoral behavior. *Observer of BIST (Bashkir institute of social technologies)*, (2), 7–16. (In Russian). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-2-51-7-16>
- Khudolei, D.M., & Khudolei, K.M. (2022). Electronic voting in Russia and abroad. *Bulletin of Perm University. Legal sciences*, (57), 476–503. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-57-476-503>
- Lyubarev, A.E. (2021). Correlation analysis of voting results in the Russian federal and regional elections 2011–2018. *Political Science (RU)*, (1), 205–225. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.09>
- Mintusov, I.E., & Gulyaev, D.S. (2022). Remote electronic voting in the countries of the Anglo-Saxon system: USA, Australia, Great Britain. Why didn’t the DAG vote catch on? *Citizen. Elections. Power*, (1), 122–139. (In Russian).

- Mishukov, V.O. (2021). Development of national legislation on the basics of electronic voting. *Eurasian Law Journal*, 12, 213–215. (In Russian).
- Nabatnikova, E.A. (2022). REV (remote electronic voting) in the Russian Federation. *Smart Digital Economy*, 2(1), 26–30. (In Russian).
- Narenkova, A.A. (2021). Comparative legal analysis of the institute “mobile voter” and the Institute of absentee ballots. *Derzhavinsky Forum*, 5(20), 17–23. (In Russian).
- Petrova, S.V., & Sidorova, A.V. (2021). On the introduction of remote electronic voting in the electoral system of Russia. *North Caucasian Legal Bulletin*, (4), 80–84. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-4-80-84>
- Petrova, S.V., & Sidorova, A.V. (2022). The system of remote electronic voting in the Russian Federation and ways to improve e-democracy. *State and municipal administration. Scientific notes*, (1), 192–196. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-192-196>
- Rybin, A.V. (2022). Advantages and disadvantages of remote electronic voting: A prospect or a dead end? *Electoral politics*, (1), 1. (In Russian).
- Rybin, A.V. (2022). Protection of the results of the will of voters in remote electronic voting. *Citizen. Elections. Power*, (3), 161–175. (In Russian).
- Shcherbinin, R.A. (2021). Legal regulation and practice of remote voting in the elections of 2021. *Izvestiya Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy*, (4), 59–66. (In Russian).
- Skosyrev, V.A. (2020). Grassroots democracy in China: approaches to assessment. *Bulletin of the Moscow University. Series 13: Oriental Studies*, (3), 108–116. (In Russian).
- Tsvetkova, O.V., & Romanova, Y.A. (2022). Digital transformation in Russia: from the rating of regions to remote electronic voting. *Citizen. Elections. Power*, 2(24), 91–97.
- Vinogradskaya, O.Y. (2019). From what the townspeople go to the village: phenomenology and practice. *Peasant studies*, 4(3), 140–155. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-3-140-155>
- Zaitseva, I. (2022). To come and stay. *New agriculture*, (6), 14–19. (In Russian).
- Zinoviev, A.S., Turov, N.L., & Chernetsky, F.M. (2022). Localism in the political dynamics of modern Europe: The case of Lithuania. *Political Science (RU)*, (4), 240–261. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.11>

Сведения об авторе:

Арутюнов Антон Георгиевич — аспирант кафедры российской политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, член Совета по региональному развитию Российской ассоциации политической науки (anton.arutyunov.98@mail.ru) (ORCID: 0009-0008-0555-9328)

About the author:

Anton G. Arutyunov — postgraduate of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, a member of the Council for Regional Development of the Russian Association of Political Science (anton.arutyunov.98@mail.ru) (ORCID: 0009-0008-0555-9328)